

ТЭМА: ПОСТСАВЕЦКАЯ ГІСТАРЫЯ ГРАФІЯ

1. Постсавецкая германістыка.
2. Постсавецкае франказнаўства.
3. Постсавецкая амерыканістыка.
4. Постсавецкае англазнаўства і італазнаўства
5. Вывучэнне гісторыі міжнародных адносін.

1. По-новому осмыслить роль и место Бисмарка в немецкой и европейской истории попытался В. В. Чубинский. Особо выделив изолированность Бисмарка и бонапартистский характер его режима, автор слишком односторонне и категорично подчеркнул консерватизм и контрреволюционность своего героя. Однако не следует забывать, что до создания единой Германии, осуществленного насильственно-радикальным способом, Бисмарк вовсе не был приверженцем прусского консерватизма, а, наоборот, находился с ним в остром конфликте и даже не боялся идти на союз с революционными силами (лассальянством) и демократические реформы наподобие введения всеобщего избирательного права. В книге же, из двух Бисмарков - "прусского революционера сверху", и юнкерского реакционера и консерватора - по сути, явно доминирует только второй.

Отечественная литература о Бисмарке посвящена в основном его внешней политике. Что касается политики внутренней, то она осталась практически неисследованной. Лишь в 1992 г. появилась книга С. В. Оболенской, где показана внутренняя политика Бисмарка, его поворот в 1877-1879 гг. от опоры на либералов к авторитарно-консервативному курсу, имевшему тяжелые последствия для империи.

Рахилиш П. Ю. Историография западноевропейского фашизма. Пермь, 1993.

Ю. Ф. Субботин Россия и Германия: Партнеры и противники (Торговые отношения в конце 19 в. – 1914 г.) – М., 1996.

История германского фашизма.

Проблема раскола Германии после Второй мировой войны.

Филитов А. М. Германский вопрос от раскола к объединению. Новое прочтение. – М., 1993.

Павлов Н. В. История современной Германии. 1945–2005. – М., 2006.

В современной белорусской историографии А.Г. Космач и В.А. Космач занимаются исследованием социально-политической и культурной жизни Веймарской Германии.

С.Е.Новиков – германская история периода Великой Отечественной войны.

М.В. Стрелец – история Германии после Второй мировой войны.

2. В конце 80-х - начале 90-х во франковедении, как и в других отраслях российской исторической науки началось переосмысление ряда устоявшихся выводов и стереотипов. Оно связано как с накоплением новых знаний, которые не укладывались в установленные каноны, так и с новыми общественными импульсами, идущими от пересмотра исторического опыта отечественной истории. Пожалуй, ранее всего она коснулась такой темы как Великая французская революция. Пионерами здесь стали ученые МГУ, авторы известной серии публикаций "Великая французская революция. Документы и исследования". Многие десятилетия французскую революцию изучали, по выражению руководителя этого издания А. В. Адо, почти исключительно "снизу" и "слева". В новых исследованиях была предпринята смелая попытка дать комплексную картину состояния и борьбы основных классов французского общества. В ряде статей прежняя трактовка революции объявляется "якобиноцентристской". Осуждается не только якобинцы и террор, но ставится под вопрос ценность самой революции, а социальные утопии, порожденные ею, характеризуются как ведущие к диктатуре. А.В.Чудинов высказал точку зрения, что этическая утопия робеспьеристов (строительство царства добродетели) противоречила реальным интересам всех слоев французского общества. Невозможно связать политику Робеспьера с интересами какого либо значительного слоя французского общества. Переворот 9 термидора спас Францию от катастрофы, которую готовили ей якобинцы своей кровавой политикой. А.В.Гардон считает, что за якобинской иллюзией всеобщности стояли интересы не столько буржуазии, сколько небуржуазной части французского общества и они отражали интересы широких масс населения.

При изучении истории Французской революции для современной российской историографии характерен отказ от классового подхода. Историки говорят не о классовой борьбе, а о борьбе различных политических группировок, чьи не связаны с определенными классами. Относительно руководящих сил революции Чудинов высказывает точку зрения, что буржуазия старого порядка ни перед революцией, ни в ходе революции не была единой, и не являлась классом-гегемоном в революции. В вышедшей в 2007 г. работе «Французская революция: история и мифы» он предлагает отказаться от тезиса о существовании феодально-абсолютистского строя во Франции накануне революции. Феодализма однозначно уже не было. Абсолютизм также не был абсолютным. Существовали ограничения королевской власти морального, религиозного и институционального порядка. Капиталистической буржуазии среди руководителей революции не было. Были представители свободных профессий, офицеры. Он ставит под сомнение тезис, что революция ускорила развитие капитализма.

Пименова так же делает вывод, что у историков нет оснований характеризовать общественный строй предреволюционной Франции как феодальный. В 2005 г. группа российских историков издала «историю Франции». Главы, посвященные Французской революции, были написаны Ревякиным. Он отмечает, что накануне революции феодальные отношения

давно канули в лету и использует термин «сеньориальный порядок» или «сеньориальный строй». Он ставит под сомнение и термин абсолютизм как синоним деспотической власти короля.

Ревуненков предложил продлить хронологические рамки революции до 1815 г. Но при этом подчеркивает, что наполеоновскую эру нельзя отождествлять с самой революцией. В то же время нельзя и отрывать от нее. Период 1799 – 1802 гг. он называет «цезаристским завершением революции».

Книга Е. М. Кожокина представляет собой историко-социологическое исследование судьбы рабочих Франции, важным этапом которой стала революция. Автор стремится показать, как происходила ломка корпоративных понятий и формирование нового общественного сознания рабочего класса.

С. Ф. Блуменау в своих работах обратился к исследованию массового сознания во время революции.

Н. А. Троицкий «Александр I и Наполеон». М., 1994.

Д. М. Туган-Барановский. Наполеон и власть. (Эпоха консульства). – Балашов, 1993.

В конце 80-х годов А. В. Ревякин обратился к теме истории промышленного переворота во Франции. Главное в его подходе - отказ от широко принятого признания английской модели промышленного переворота (с такими элементами первоначального накопления как экспроприация крестьянства, образование крупных земельных поместий и т. д.) эталоном и для других стран. Рассматривая промышленный переворот во Франции, автор подчеркивает его особенности, уходившие корнями в аграрную и мануфактурную сферу (устойчивость мелких крестьянских хозяйств и капиталистической мануфактуры и т. д.).

Достаточно активно продолжается исследование истории голизма постсоветскими историками. В 2007 г. вышла работа М. Ц. Арзаканяна, посвященная де Голлю. Работа состоит из 4 частей. В первой показана деятельность де Голля в первые годы Второй мировой войны. Отмечается, что только война сделала из него политика. Во второй главе М. Ц. Арзаканян характеризует деятельность де Голля во главе «Свободной Франции» как «спасителя отечества». Особое внимание автор уделяет отношениям «Свободной Франции» с СССР и стремление де Голля начиная с 1942 г. побывать в СССР. Затем в четвертой главе рассмотрена деятельность де Голля в годы нахождения в оппозиции, а завершающая пятая глава посвящена его деятельности на посту президента Франции. Эта деятельность, по мнению Арзаканяна, была направлена на защиту национальных интересов Франции на международной арене. Эта политика включала два важнейших элемента: единство Европы и отношения с США. В европейской политике де Голль выступал за создание «Европы отечеств». В этом союзе Франция должна была играть главную роль, а объединенная Европа никому не должна подчиняться. Противоречия де Голля с США возникали из-за требования для Франции равенства с ними в НАТО.

3. Последнее десятилетие для отечественной американистики - новый этап развития. Заметной вехой стала международная конференция "Поиск новых подходов к изучению США", проведенная в Москве в марте 1991 г. В развернувшейся дискуссии по резко критическому докладу академика Н. Н. Болховитинова были обозначены "болевые точки" в изучении США: тенденциозность и конфронтационность в подходе к истории США, слабый учет специфики исторического развития страны, необходимость применения современной методики исследования и т.д. Новым важным центром американистов стала "Ассоциация изучения США", созданная в 1995 г. в МГУ под руководством профессора Е. Ф. Язькова.

Следует отметить очень успешные исследования Н. Н. Болховитинова по истории русско-американских отношений. В работе "Россия открывает Америку. 1732-1799" (1991) автор показывает глубокий долговременный интерес России к Америке: от первых русских землепроходцев и открытия Аляски до создания Российско-американской компании в 1799 г. Монография вобрала в себя не только историю географических открытий, но и русско-американские научные (достаточно назвать имена М. В. Ломоносова и Б. Франклина), культурные и торговые связи того времени. В 1997 г. вышел в свет первый том трехтомного издания "История русской Америки", где предполагается дать анализ сложных перипетий 135-летней истории колониальной политики и колониальных владений России на североамериканском континенте. С 1993 г. вышло 7 выпусков журнала "Русская Америка", основанного Н. Н. Болховитиновым. Наконец, еще ранее в 1990 г. вышло в свет исследование Н. Н. Болховитинова "Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834-1867"- заключительный том главной темы 30-летнего научного творчества ученого по исследованию русско-американских отношений. Как и все его работы, это исследование также основано на архивных документах России и США, обширных публикациях на многих европейских языках. Книги характеризуются высокой научной достоверностью, политической непредвзятостью. Вместе с упомянутыми работами Г. П. Куропятника и Р. Ш. Ганелина по развитию русско-американских отношений в конце XIX-начале XX вв. эта тема вырастает в большой цикл.

Несомненно, важный шаг вперед сделан в изучении колониального периода. Л. Ю. Слезкин был первым, кто приступил к изучению колоний Новой Англии, но в нарисованной им картине не хватало тщательного изучения догматов и церковной организации пуритан. Это белое пятно отчасти теперь закрыто работой Н. Е. Покровского, давшего глубокий анализ новоанглийского пуританизма от Дж. Уинтропа до Дж. Эдвардса ("Великое пробуждение" середины XVIII в.). Сам Л. Ю. Слезкин вновь обратился к этой теме, написав биографию выдающегося левого пуританина Роджера Уильямса. По теме радикального пуританизма появился также ряд интересных статей И. Ю. Хрулевой.

Д. Бурстрин «Американцы: колониальный опыт». – М., 1993;
«Американцы: демократический опыт». – М., 1993;

Вопросы истории колониального периода США затронуты также в исследованиях Владимира Викторовича Согрина. По его мнению, колониальный период американской политической власти с самого начала характеризовался развитием представительного правления, которое воплощалось в деятельности выборных ассамблей. Но при этом постепенно росло английское вмешательство в управление колониями. Несмотря на обилие недемократических черт у колониальной элиты, ее по меркам той эпохи трудно назвать консервативной (по крайней мере, без всяких оговорок). Дело в том, что ее большинство разделяло основополагающие ценности нарождавшегося буржуазного миропорядка, среди них идеи свободы собственности и рыночных отношений, принципы свободы слова, печати, разделения властей, договорного характера власти. Уже в колониальный период начали формироваться основы американской государственности.

Одной из первых работ, которую можно отнести к постсоветским, посвященных Первой американской революции, было оригинальное исследование В. А. Ушакова "Американский лоялизм" (1989), где анализируется социальный состав и идеология движения противников революции. Российские историки обратились к первым шагам США после достижения независимости. В работе "Становление американского государства" (1992), написанной коллективом петербургских ученых под руководством А. А. Фурсенко, ставится вопрос о причинах устойчивости американской федеральной системы. Авторы проводят мысль о том, что, кроме благоприятных исторических условий развития США, на заре их истории были созданы структуры, обеспечивавшие в целом плавное развитие страны эволюционным путем. Под этим углом зрения рассматривается конституционное разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви, при этом учитывалась также специфика политического устройства штатов. Сами "отцы-основатели" показали пример компромиссного решения острых проблем.

В.В.Согрин в своих исследованиях делает вывод, что первая американская революция была прежде всего антиколониальной, а тезис советской историографии и прогрессистской школы историков США, что конфликты между различными слоями американского общества имели большое значение для возникновения революции, следует признать преувеличением. Революционная ситуация была создана общеамериканским антиколониальным движением. Но с момента провозглашения независимости народ заявил о себе как политическая сила и с этого момента Война за независимость становится двойной революцией: антиколониальной и внутривнутриполитической.

Меньше внимания постсоветские исследователи уделили Второй американской революции. Согрин отмечает, что наивысшие демократические образцы были продемонстрированы в южных штатах на пике Реконструкции.

Отстранение от избирательного процесса многих прорабовладельчески настроенных южан и наделение избирательными правами бывших рабов привело к тому, что чернокожие избиратели численно превзошли белых (735 тыс. против 635 тыс.). Политическая активность и реальное влияние черных американцев на политическую власть эпохи Реконструкции означали расширение как демократической, так и плюралистической составляющей политической системы США. Просуществовала эта политическая идиллия до середины 70-х годов XIX в., после чего последовал ее крах, который был столь же стремителен и радикален, как и ее воцарение. Поражение либерально-демократической линии в американской Реконструкции по сути общепризнанно в исторической науке.

Заметным достижением американистики стал выход в свет исследования Б. М. Шпотова "Промышленный переворот в США" (1991). На большем материале (государственные переписи 1790-1900 гг., 198-томная "Нью Амэрикан Стэйт пе-перс", статистическим материалам по отдельным районам и т.д.) автор проследил складывание национального рынка и развитие капитализма. Если А. В. Ефимов и Л. А. Мендельсон относили начало промышленного переворота США к концу XVIII в., а М. Н. Захарова и Б. М. Косарев к 30-40 гг. XIX в., то Б. М. Шпотков выделяет его этапы с начала XIX века до Гражданской войны и анализирует его особенности на Севере, Востоке, Западе и Юге страны.

Новые тенденции в изучении истории США отчетливо проявились во взглядах на реформизм. Наиболее полное выражение они нашли в работах В. В. Согрина "Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века" (1995), «Президенты и демократия. Американский опыт» (1998) и в коллективной монографии "Либеральная традиция в США и ее творцы" (1997), написанной американистами МГУ. В центре внимания обеих работ история либерализма. Авторы отказались от негативистской оценки либерализма, служившего согласно марксистским догмам, средством обмана масс буржуазией. В работах показывается его важная роль в социальной и политической модернизации американского капитализма, раскрывается идейная история либерализма через мировоззрение американских мыслителей и политических деятелей: Т. Джефферсона, Э. Джексона, А. Линкольна, В. Вильсона, Ф. Рузвельта, Дж. Кеннеди и многих других. Идейные корни левого либерализма лежат в Просвещении, выдвинувшем гуманистические идеалы политического равенства и эгалитаризма. На каждом этапе развития с конца XVIII- до XX века либерализм вносил свою реформаторскую лепту в политическую и экономическую жизнь страны. На рубеже XIX-XX вв. на смену буржуазно-индивидуалистическому классическому либерализму пришел новый социальный либерализм, с помощью которого были проведены первые реформы Прогрессивной эры. По Согрину, прогрессивистские реформы явились результатом усилий как минимум трех социальных сил. Первой среди них были радикальные движения от популистов до социалистов, нацеленные на антимонополистические меры и развитие прямой демократии. Второй силой

оказались средние городские слои и либеральная интеллигенция (ее боевым ядром были знаменитые "разгребатели грязи" из журналистской среды). Третьей силой, способствовавшей успеху реформ, была просвещенная часть экономической и политической элиты США, мотивы которой носили по преимуществу охранительный характер

Затем последовали широкие реформы "нового курса" Ф. Рузвельта. В эпоху после рузвельтовского "нового курса" упрочились институциональные, нормативные и процессуальные основы демократии, американское общество стало более плюралистическим. По мнению Согрина реформы Рузвельта содействовали серьезному преобразованию американского капитализма на основе социализации. Он отмечает реальный вклад реформ в преодоление кризиса, рост заработной платы, сокращение безработицы. Процесс преобразования американского капитализма в государственно-регулируемый и социально-ориентированный продолжался и в послевоенные годы. Авторы отмечают, что этот долгий путь реформ был пройден и под давлением низов. Особенно подробно останавливается на этом В. В. Согрин, уделяющий немало внимания леворадикальной идеологии и идейной истории американских социалистов. Относительно реформ 1960-х гг. он указывает, что в результате их утвердилось самое демократичное по всем меркам избирательное право. На современном этапе резко возросла роль такого специфического американского демократического механизма, как праймериз (выдвижение кандидатов на выборные государственные должности самими избирателями). Подконтрольность политической власти обществу расширилась и в других сферах. Согрин отмечает, что на протяжении всей американской истории важнейшей опорой политического плюрализма являлись партии.

Истории реформизма в США посвящена вышедшая в 1995 г. работа Н. Х. Романова «Реформы Э. Джексона» (М., 1995).

К этой же теме примыкает работа Н. А. Белявской "Роберт Лафоллет: цена независимости" (1995), рисующая жизнь и борьбу выдающегося радикального республиканца. В работе Л. В. Байбаковой "Двухпартийная система США в период "позолоченного века" (1996) исследуется проблема формирования на пороге XX в. новой модели двухпартийной системы, способной к решению реформистских задач.

Одной из ключевых проблем постсоветской американистики остается проблема «нового курса» Ф. Д. Рузвельта. На современном этапе в российской историографии преобладает точка зрения, что реформы Рузвельта содействовали серьезному преобразованию капитализма на основе социализации. Согрин в своих работах показал, что политика «нового курса» внесла существенный вклад в преодоление кризиса, обеспечила реальный рост заработной платы на 40%. Произошло так же сокращение безработицы. В политическом плане общество стало более плюралистическим.

В области новейшей истории, где прежде политическая заданность в историографии была особенно велика, появилось меньше работ с новым углом зрения. Но они есть. На редкую теперь тему написана книга Н. В.

Куркова "Американская Федерация Труда, 1919-1939." (1990), анализирующая эволюцию АФТ между двумя мировыми войнами. Автор едва ли не первым из российских историков рассматривает профсоюз и его руководителя Гомперса не как "агентуру Уолл-стрита", а как организацию, отражавшую в первые десятилетия XX века нужды и многие требования значительной части рабочих. Лишь мировой экономической кризис 30-х годов взорвал традиционные принципы АФТ, потребовав новых принципов и форм, которые дали производственные профсоюзы КПП. Термины "классовый коллаборационизм", "оппортунизм", "беспартийность" и т.д., которыми пестрит книга, лишь затрудняют восприятие исследования.

История внешней политики и дипломатии США. 1975 – 1877 гг. – М., 1994.

Из работ, посвященных внешней политике США в канун второй мировой войны выделяется работы Д. Г. Наджафова и Г. Н. Севостьянова. В советской историографии господствовал взгляд, согласно которому Англия и Франция, а за их спиной стояли США, подталкивали фашистских агрессоров на войну против СССР. Конфликт, приведший к войне, сводился к противоречиям между социализмом и капитализмом. Д. Г. Наджафов выдвигает точку зрения, что реальный конфликт состоял в противоречиях между демократией и тоталитаризмом. Критикуя политику "нейтралитета" США, автор считает, что ее корни лежали в традиционном американском изоляционизме, но в новых условиях она была глубоко ошибочной, неадекватным ответом на агрессию фашистских держав. И все же логика развития событий, подчеркивает автор, привела США в лагерь антифашистской коалиции.

Многоплановая работа Г. Н. Севостьянова затрагивает сложнейшие и острейшие проблемы самого кануна войны. Автор рисует механизм выработки и осуществления внешней политики в комплексе СССР, США, Англии, Франции, Германии, Италии и ряда других стран, стремится подходить к событиям непредвзято. На важнейший вопрос - кто виноват в том, что фашистская агрессия все же была развязана, отвечает - вина в большей или меньшей степени лежит на всех участниках будущей антигитлеровской коалиции. Документальная база монографии велика, но в основе ее лежат, прежде всего, архивы США и России.

В советской историографии, при исследовании советско-американских отношений утвердилась точка зрения - одной из главных задач внешней политики США в 40-50-х годах являлось стремление не допустить социалистических революций в Западной Европе. Активно проводилась мысль о стремлении американских правящих кругов к мировому господству. Советские историки писали о мессианстве американской внешнеполитической мысли, об антикоммунизме как движущей силе процесса формирования американской внешней политики. Лишь в начале 90-х годов в отечественной американистике наметился отход от односторонних обвинений США в возникновении "холодной войны" и все больше

утверждается идея об обоюдной ответственности США и СССР за конфронтацию послевоенных лет.

Основательных обобщающих работ о возникновении "холодной войны" пока нет, но существует немало исследований, анализирующих различные аспекты этой проблемы. Одна из таких серьезных последних работ - монография В. Л. Малькова "Манхэттенский проект" (1995), выполненная на материалах многих архивов США и Архива внешней политики РФ. Автор дает в ней не только "биографию" атомного оружия времени военных лет, созданного для поражения Японии. После войны "атомная дипломатия" использовалась для давления на СССР, вызвав ответную форсированную работу над созданием аналогичного оружия. Военное соперничество двух великих держав отравляло общественную атмосферу, породило шпиономанию и ксенофобию, стало важным фактором вползания в "холодную войну".

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМ.Ф.СКОРИН

4. В работе В.С. Бондарчука "*Неаполитанская революция 1647-1648 гг.*" (М., 1994) дана яркая картина различных форм массовых выступлений, особенности поведения и психологии их участников, интересно поставлена проблема толпы и лидера. На примере далекого и локального исторического события автор показал, как абсолютное игнорирование права массы простого народа на человеческое существование приводит к социальному взрыву с его кровавыми и жестокими эксцессами.

М.В. Винокурова. Английское крестьянство в канун революции середины 17 в. М., 1992.

Т. Л. Лабутина. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689 – 1702). – М., 1994.

М. М. Куриев «Герцог Веллингтон», М. 1995.

Капитонова Н. Маргарит Тетчер, человек и политик // ННИ – 2007 – № 2–3.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМ.Ф.СКОРИНЫ

5. Работы Юр. Евг. Ивонина – исследование истории международных отношений нового времени. Отмечает, что с началом нового времени локальные войны приобрели тенденцию к перерастанию в войны европейского масштаба. В это же время обозначилась борьба двух тенденций в международных отношениях: формирование крупных централизованных государств и стремление сохранить единство христианской Европы в форме наднациональной универсальной монархии Габсбургов. Считает, что решающий удар по планам Карла V относительно универсальной империи нанесли германские князья. Характеризует вторую половину 17 – 18 ст. как эпоху кабинетных и династических войн. Их цели заключались в возвышении главы династии и сохранении равновесия между великими державами.

В. В. Дегоев – Россия в системе международных отношений 18–19 вв.
В. В. Орлов. Международные отношения в эпоху наполеоновских войн.

Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994.

Первая мировая война и международные отношения. М., 1995.

Первая мировая война. Пролог XX в. М., 1998.

Ушаков Первая мировая война.

Проблемы возникновения войны активно исследуются Б.М.Туполевым. Он констатирует, что важнейшей причиной возникновения войны был англо-германский антагонизм, а его причиной являлся *"страх англичан перед германским колониальным и континентальным империализмом"*, строившим флот для своего прикрытия. Каждый новый политический кризис способствовал нарастанию напряженности и приближал мировую войну.

В. А. Зубачевский – международные отношения в Центрально-Восточной Европе после Первой мировой войны.

И. В. Михутина, Мельтюгов. Г. Матвеев – международные отношения в Центрально-Восточной Европе, внешняя политика Польши в межвоенный период.

Проблемы истории международных отношений межвоенного периода в Центрально-Восточной Европе в работах Г. Г. Лазько.

М.И.Семиряго. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. – М., 1992.

Д. Ф. Наджафов, С. З. Случ – причины возникновения Второй мировой войны.

Иванов А.Г. Агрессоры и умиротворители: Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. – М., 1993.

Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследования. – М., 1997.